

ДЖЕК ЛЭЙТ КАЗЕННЫЙ ДОМ

ИСТОРИЯ О МУЖЧИНАХ,
ТЮРЬМЕ, ПУЛЕМЕТАХ

РОМАН ПО ОРИГИНАЛЬНОМУ СЦЕНАРИЮ
ФРЭНСИС МАРИОН И ДЖОРДЖА ХИЛЛА

Фильм по этому сценарию был номинирован
на 4 премии «Оскар» и выиграл
2 золотые статуэтки (1930 год)

Джек Лэйт

Казённый дом

«Автор»

2026

Лэйт Д.

Казённый дом / Д. Лэйт — «Автор», 2026

Жёсткая тюремная драма 1930 года по мотивам киносценария Фрэнсис Марион и Джорджа Хилла. Фильм по этому сценарию получил четыре номинации на «Оскар» и увёз домой две золотые статуэтки — редкий успех для картины о жизни за тюремной решёткой. В основе книги — история трёх сокамерников в переполненной тюрьме: избалованный юнец из благополучной семьи, севший за пьяную аварию со смертельным исходом; закоренелый грабитель со своим кодексом чести; и убийца по кличке Пулемётчик Бутч, для которого расправа — почти развлечение. Дерзкий побег через тюремный морг, случайная встреча с чужой возлюбленной, предательство ради нескольких лет свободы и кровавый бунт в День благодарения — этот сюжет ведёт героев от отчаяния к искуплению, не щадя никого. Джек Лэйт писал этот роман языком человека, знающего тюремный жаргон не понаслышке — с той же хлёсткой иронией, что сделала фильм классикой довоенного Голливуда.

© Лэйт Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА I	5
ГЛАВА II	10
ГЛАВА III	13
ГЛАВА IV	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Джек Лэйт

Казённый дом

ГЛАВА I

Однажды вечером, месяцев за двадцать восемь до того, как ворота тюрьмы открылись перед Дином Уордом Кентом и захлопнулись за ним, туда привели красивого молодого парня, чья тёмная, страстная натура выдавала себя густым, низким голосом и глубоко посаженными, задумчивыми глазами; парня, способного быть щедрым или порочным, справедливым или жестоким, способного на верность, воровство, распутство или предательство. Он назвался Дунканом Морганом.

Морган «съездил вверх по реке» по «подвязке» — на тюремном жаргоне это означало, что он отбывал третий срок по неопределённому приговору. От пяти до пятнадцати лет — так постановил судья, — «растяжку», которую заключённые называют «таксомотором», потому что на большинстве нью-йоркских такси на видном месте написаны их тарифы, и такие сроки известны как «пятнадцать-и-пять». Какую именно часть этого срока Моргану предстояло «отмотать», зависело от многих обстоятельств: хорошего поведения, связей на воле, возмещения украденных денег, от того, в каком настроении будут судья и прокурор в тот день, когда их попросят подписать соглашение об условно-досрочном освобождении, и от того, как позавтракала Тюремная комиссия по помилованиям в тот день, когда к ним попадёт прошение для рассмотрения и решения.

Морган имел право на слушание об условном освобождении уже менее чем через три с половиной года заключения. Так что он находился на последней стадии как заключённый. В жизни каждого срока, если это не пожизненное и не казнь, есть три стадии: сначала тупое, немое отчаяние, мучительная безнадежная беспомощность; затем вялая промежуточная фаза, когда человек уже привык к однообразию, обезличенности и жестокости каждодневной рутины; и наконец — упругое осознание того, что большая часть пути позади, слабый луч света впереди, приближение освобождения, солнца, свободы и жизни.

Морган был грабителем. Когда-то он служил клерком в банке. На пятьдесят пять долларов в месяц, с щегольскими привычками и лёгким обращением с женщинами, ему постоянно требовались быстрые деньги. Рядом с ним, в его конторке, лежал заряженный револьвер. Стоило лишь сунуть его в карман. Первое его «дельце» оказалось до неприличия лёгким. Женатый мужчина, возвращавшийся домой со свидания с девушкой, — один шаг из тёмного дверного проёма и резкий окрик «Руки вверх!» — принёс Моргану несколько сотен долларов наличными и срезал добрых полдюжины лет потенциальной жизни с отпущенного судьбой срока перепуганной жертвы с её высоким давлением.

Моргана взяли через несколько месяцев. Плоскостопый, круглоголовый «мундир» — постовой полицейский — застал его прямо на месте и был слишком туп, чтобы испугаться. С молодым, благовоспитанным на вид парнем обошлись мягко, как с новичком, и за покушение на ограбление, поскольку довести дело до конца ему не дали времени. Прежних ограблений за ним не числилось. Но он всё же сел, а вышел уже бывшим зэком — с делом, отпечатками пальцев и кое-какими новыми взглядами на жизнь.

Любой болван может стать грабителем на большой дороге. Он может работать в одиночку, и всё снаряжение, которое ему нужно, — это никелированный револьвер из каталога, который, скорее всего, разорвётся у него в руке при первом же выстреле, да тёмное место в стороне от ярких уличных фонарей. Но при этом он ставит на кон свою жизнь и свободу ради

шанса, что даже если всё сойдёт с рук и он унесёт ноги, добыча окажется совсем жалкой. Такой тип налётчика у уважающих себя воров считается падалью.

Морган выяснил это, когда впервые похвастался приятелям за стенами и решётками, что он «грабитель». Ему разъяснили, что означает это слово на самом деле — принадлежность к слаженной команде, которая готовит крупные дела и никогда не рискует, если куш не привлечетелен, которая вычерчивает план, изучает и разведывает место крупного «касания» кассы с зарплатой или инкассаторской машины, расставляет свою команду, заранее продумывает пути отхода, обучает своих людей по всем современным правилам специализации и слаженной координации.

Морган знал, куда обратиться, чтобы примкнуть к такой шайке. Это было непросто, потому что подобные банды придирчивы, подозрительны и разборчивы. Но именно его «фасад» — приятная внешность — сыграл роль, которая «продала» его. Он годился в «наводчики» — связного, разведчика, пролазу, способного разузнать секреты о перемещении добычи. При его внешности и обаянии он был идеальным приобретением. Дела шли в гору, пока один из шайки в запретной откровенности не шепнул влюблённой в него хостес из дансинга ночью, какой он ловкий, смелый и порочный, — и выболтал всё как есть. Разумеется, со временем он ей наскучил, и разумеется, она рассказала это другой девушке; та девушка, как оказалось, «стучала» полицейскому лейтенанту — и вот прослушка, и вся «бригада» была «повязана».

На этот раз наш красавчик отсидел больше двух лет. Неуклюжий занос машины на первом же деле, которое он попытался провернуть после освобождения, врезал автомобиль прямо в молочный фургон, и погоня настигла его снова. У этой организации были «связи», и потому «пятёрка-пятнадцать» Моргана оказалась мягкой. С тем же успехом это могли быть и «пять-пятьдесят» — значение имел лишь минимум; это означало, что он мог выйти на свободу через тридцать девять месяцев, а значит, он и выйдет через тридцать девять месяцев, потому что дело было политически «в шляпе».

Приговор судьи прогремел сурово и жёстко; но на лице Моргана играла улыбка. Тридцать девять месяцев? Да он отстоит их на одной ноге.

В этот год благодати Господней 1930-й, в этих Соединённых Штатах, рождённых от вдохновенного и освящённого семени, сегодня за решёткой находится около 700 000 мужчин и женщин, если считать приблизительно, — и звучит это достаточно грубо. В это число входят осуждённые, отбывающие сроки в тюрьмах, исправительных и трудовых колониях, а также те, кто ожидает суда по любому обвинению — от пьянства и нарушения общественного порядка до убийства — в местных тюрьмах предварительного заключения.

Вокруг заключённых выросла целая литература. За десятилетия сложился собственный язык, на котором изъясняются их горькие шутки и ироничная философия. По большей части это яркий, образный жаргон — ведь у этих ребят есть воображение, иначе они не оказались бы там, где оказались, и у них есть время подумать, и им есть что представлять в своей боли, и у них, миновав первую стадию, появляется чувство юмора.

Итак: тюрьма на их языке — «кича» или «казённый дом», обвинение — «дело» или «висяк», адвокат — «пасть», освобождение — значит быть «выпущенным», условно-досрочное — «дождевой чек», приговор — «срок» или «растяжка», пожизненный приговор — «книга» или «отныне и навсегда», пятилетний срок — «горсть», десятилетний — «десятка», двухлетний — «двушка», неопределённый приговор — «подвязка», отсидевший впервые — «стажёр», казнь на электрическом стуле — «горячий стул», повешение — «танец без пола», охранник — «вертухай», доносчик — «стукачок», тюремная еда — «баланда», железный прут решётки — «штакетина», камера — «гроб», карцер — «яма», камера смертников — «прихожая ада», расконвоированный — «пёсик», начальник тюрьмы — «хозяин», врач — «коновал», капеллан — «псалмопевец», а судья — что угодно, только не то, что можно напечатать.

Вор — это «перо» (ничего общего с оружием — слово пришло из идиша, от «ганеф», вор), фальшивомонетчик документов — «обойщик», фальшивомонетчик денег — «сбытчик туфты», банковский грабитель — «медвежатник», взломщик — «волк» (по-английски «growler», рыскающий), мошенник — «шёлк», аферист (или «кон»-мен) — «Т.Б.» («кон» — сокращение от consumption, чахотка, и «Т.Б.» — то же самое, туберкулёз, по-английски), налётчик с оружием — «пушкарь» («гэт», разумеется, значит револьвер), карманник — «щипач», магазинный воришка — «наводчица», шулер в картах или костях — «катала», убийца — «тикалка» (потому что сердце — это «тикалка», оно говорит «тик-так», и значит, убийца заставил его сказать своё последнее «тик-так»), а любой осуждённый за преступление не ради наживы — из ревности, на сексуальной, бытовой или уголовной почве, по внезапному порыву, — «чужак».

«Чужаки» пользуются низким статусом в тюрьмах, где профессиональные преступники их презирают и притесняют. Ведь даже среди этих несчастных, более того — прежде всего среди них, существуют границы снобизма по касте и положению. Как бы низко ни пали люди, они никогда не теряют своего соперничающего эго, своей жажды хоть на атом превзойти ближнего. Чем «тяжелее» преступление, тем выше положение.

Дин Уорд Кент был «чужаком». Канун Нового года! Город уже навеселе к обеду, пьян к одиннадцати, одурело весел, когда неистовый гвалт прорывается сквозь незримую завесу между годами, и в дым пьян, пока часы с грохотом несутся дальше, отмечая и празднуя сомнительную радость от того, что мир скомкал ещё один календарь.

Ни одно место теперь не кажется достаточно горячим, чтобы удержать самых неугомонных гуляк. У них шило в одном месте. Им нужно двигаться. Куда? Куда угодно. Ехать куда-то и что-то делать. Заезжать в места поменьше и творить дела побольше. Они платили, лгали, дёргали за нужные ниточки и подмазывали, чтобы заполучить столик в каком-нибудь безумном кафе или шипучем кабаре. Теперь им нужно двигаться дальше. А Дин Уорд Кент — уже изрядно на взводе. Энн Марлоу, невинная пепельная блондинка рядом с ним, вполголоса уговаривает его остаться там, где они есть, с Артом Мэннерсом и его подругой, Алдой Хейфер, — вчетвером они и заняли столик в тот вечер в «Крейзи Кэмел». Но Кент, невнятно бормоча, отмахивается от всех возражений.

«Пош-шли, — лопочет он, — Новый год же... едем во «Пылающую печь» — там самый забойный джаз на свете... эй-хо, пош-шли уже!»

Его седан припаркован в квартале с половиной. Они добираются туда, Кент пошатывается.

«Думаешь, сможешь вести нормально?» — спрашивает Мэннерс.

«Ха! Кто? Я? Слуш-шай, когда я под мухой, я лучший маленький водитель, какой только жёг резину на Рокфеллере — залезайте, пьянчужки, — когда старина Кенти за рулём, вы доедете, куда надо».

Он заводит машину, всё в порядке. Рычаг со скрежетом входит в передачу, и вот они уже едут. Никакого виляния. Кент ведёт быстро, но уверенно. Через запутанные, забитые движением кварталы, мимо сотен других машин, сигналиющих, притормаживающих. В парк — «Пылающая печь» находится в «чёрном поясе» города.

Кент прибавляет газу. Он проезжает несколько перекрёстков без происшествий. Теперь, на главной сквозной парковой магистрали, он вжимает педаль газа в пол.

«Не так быстро, Дин», — шепчет Энн, кладя руку ему на плечо.

«Не бойсь, женщина, — смеётся он. — Кенти знает лучш-ше...»

Он поворачивает голову, чтобы клонуть её поцелуем в щёку. При этом он смеётся по-дурачки.

«Осторожно!» — пронзительно кричит Арт.

Кент вскидывает лицо. Безумным рывком он дёргает ручной тормоз.

«О, боже мой!» — выдыхает Энн.

Машина Кента боковым ударом врежется в тяжёлый лимузин, который пытается встать на нос и наполовину заносит в задний бампер другой машины, которая свернула мимо радиатора Кента, поворачивая на дорогу налево. Раздаётся грохот, а затем скрежещущий, рвущий, режущий, трещащий скрип. Лимузин на мгновение балансирует на одном колесе, а затем валится набок в вихре разлетающегося стекла и мнущегося, лопающегося металла.

Всех четверых бросает вперёд: Энн — на лобовое стекло, Кента — на руль, грудь. У Мэннерса, единственного, почти нет повреждений. Он первым делом тянется к Алде. Разодранный борт машины наполовину смят вокруг неё. Она лежит бесформенной грудой, вся в крови, без сознания. Ей досталось сильнее всех от удара. Прибегает полицейский. Ещё двое, на служебном автомобиле, спешат к месту. Сначала они заглядывают в перевёрнутый лимузин. Там, без сознания, пожилая пара в вечерних нарядах и шофёр в форме. Один из полицейских бежит вызывать «скорые». С воем и визгом подкатывает мотоциклетный патрульный. Он открывает правую дверцу машины Кента. Направляет фонарик внутрь. Энн стонет, её лицо и плечи все в порезах. Кент полностью без сознания, руки всё ещё на руле. Мэннерс, дрожа и стуча зубами, говорит:

«Д-довольно с-сильный удар, кажется».

Мотоциклист не отвечает. Он обходит машину, рывком открывает дверцу со стороны Кента, припихивается к дыханию водителя.

«Так и думал — окосел вдрызг!»

«Ради бога, офицер, — всхлипывает Мэннерс, — оттащите это от девушки — она ранена, серьёзно ранена!»

Полицейский достаёт инструмент со своего мотоцикла и налегает на искорёженный металл кузова, зажавший и пронзивший Алду. Он освобождает её, берёт за запястье. Держит, потом кладёт голову ей на грудь. Держит так, приподнимает на дюйм, снова кладёт, держит ещё. Поднимает голову, снимает фуражку, поднимает глаза к небу и хрипло произносит:

«Да помилует бог её душу!»

«Нет! — кричит Мэннерс истерически. — Нет!»

«Отошла», — торжественно говорит человек в синей форме.

«Мертва!»

Присяжные заходят в зал после одиннадцати мучительных часов совещания. Кент судорожно вскидывается. Энн, сидящая позади, в секции для публики, подаётся вперёд. На её лице всё ещё видны незажившие следы того, что взвешивали присяжные. Рядом с ней Арт Мэннерс, который никогда не простит смерти своей возлюбленной, что-то бормочет. Энн легко кладёт руку на его ладонь и шепчет:

«Что толку в этом? Алду это не вернёт. Он же не хотел...»

«Господа, — говорит суд, — вы пришли к вердикту?»

Старшина присяжных, владелец обувной лавки, честный, искренний и дрожащий от напряжения того, что ему пришлось сделать и что ещё предстоит, откашливается и отвечает:

«Да, ваша честь, мы... мы...»

«Вы вынесли вердикт?»

«Да, ваша честь».

«Огласите его».

Налитые кровью глаза Дина Кента жгут его.

«Виновен! — произносит он громко и чётко. — В непредумышленном убийстве».

Кент сдерживает рыдание. Он цепляется за подлокотники своего кленового кресла. Его адвокат вскакивает на ноги. Он заявляет ходатайство. Судья едва дослушивает его до конца.

«Отклонено», — говорит он, не удостоив взглядом.

Обращаясь к присяжным, он говорит: «Благодарю вас. Вы свободны». Адвокату он говорит: «Ходатайство об апелляции будет рассмотрено после вынесения приговора — дайте взглянуть» (он сверяется с расписанием в бумагах) «— в следующий вторник в одиннадцать утра... Секретарь, залог подсудимого аннулировать; пристав, взять его под стражу и поместить в тюрьму... Заседание суда объявляю закрытым».

Кент едва может подняться. Его не до конца зажившие травмы, крушение мучительного ожидания, роковой вердикт — у него кружится голова, ноги не находят пола. Энн выходит вперёд, чтобы попытаться сказать слово сочувствия, поддержки. Пристав преграждает ей путь вытянутой рукой. Кента уводят через заднюю дверь.

Слёзы катятся по щекам Энн и жгут солью её раны.

Она никогда по-настоящему глубоко не любила Кента. Но теперь она глубоко ему сочувствует. Она не может заставить себя видеть в нём преступника — она, чуть не заплатившая жизнью за его пьяное безрассудство, она, отговаривавшая его от этой поездки. Всё это уже позади. Он всё ещё мальчишка, ему едва за двадцать. Жизнь готова была дать ему и обещать ему так много — до той единственной роковой секунды той злополучной ночи разгула.

Он заслуживал наказания, да, — но не такого, — не такого, как она слышит теперь, в следующий вторник утром, когда судья оглашает приговор государства:

«Встаньте, молодой человек... Вы признаны виновным в тяжком преступлении. Своим необдуманным поступком вы стали причиной смерти двух человек и опасно ранили пятерых других... Я не сомневаюсь, что у вас не было такого намерения... но издревле известный принцип права гласит, что опьянение не служит оправданием для нарушения закона; более того, само пребывание в состоянии опьянения ныне является нарушением закона... Человеческая жизнь и здоровье столь же драгоценны в канун Нового года, как и в любое другое время... В нашем обществе разразилась настоящая эпидемия преступного вождения в нетрезвом виде... Остановить её можно только суровыми наказаниями...

Ваш случай особенно возмутителен: вы — умный, хорошо воспитанный, успешный молодой человек, выпускник колледжа, наделённый столь многими благами этого мира... В соответствии с вердиктом присяжных, справедливым и обоснованным, я приговариваю вас к семи годам заключения в тюрьме штата».

И вот так, после того как его слабая апелляция была презрительно отклонена высшей инстанцией, Дин Уорд Кент оказался в казённом доме с «натуралом», глядящим ему прямо в лицо, — ведь именно так игроки в кости среди заключённых называют семилетний «срок» (по аналогии с выигрышным броском «натурал» — семь или одиннадцать очков).

ГЛАВА II

«Вот и приехали, малыш... вылезай!»

Тон надзирателя был таким же безучастным и деловитым, как у кондуктора метро на конечной станции. Но для Дина Кента эти слова прозвучали так, будто их выкрикнула закутанная в саван, погребальная фигура у Врат Отчаяния.

Они обрушились ему на барабанные перепонки, застучали в мозгу и сбили с пьедестала разума последний обломок отчаянной надежды, которая теплилась даже после того, как судья потряхнул игральный стаканчик правосудия и выбросил ему «натурал»; даже после того, как за ним пришли конвоиры и увезли его на поезде; даже после того, как его втокнули в мрачный, неприветливый «воронок», встретивший его на станции.

Всё это время он чувствовал: этого не может быть. Что-то должно произойти. Он никогда не попадёт в тюрьму. Только не Дин Кент. Всё это с самого начала было нелепой случайностью — авария, арест, скорый суд, приговор, поездка на поезде — нет, это не может быть правдой! И всё же — вот они, перед ним, огромные, массивные стены тюрьмы штата. На фоне вечернего неба вырисовывался одинокий силуэт часового на башне рядом с пулемётом. Огромные стальные ворота тюрьмы со скрежетом и стоном отворились. Фургон въехал внутрь. Дин Кент почувствовал резкий рывок стального браслета на запястье. Надзиратель, к которому он был прикован, выбирался наружу. Тюремные ворота за спиной закрывались, и Дин Кент, тоскливо и потерянно, обернулся, чтобы бросить последний взгляд через плечо на внешний мир — тот самый мир, на вершине которого он когда-то сидел.

«Давай... пошли!» — поторопил один из надзирателей.

Второй повёл его через дверь, украшенную табличкой: «Джон Уоллес, начальник караула по двору». Они вошли в небольшой кабинет, где за столом сидел грузный человек с тяжёлыми брылями и тяжёлыми бровями. Первый надзиратель разложил перед ним документ.

«Сопроводительные бумаги, сэр», — сказал он.

На короткое мгновение маленькие, колючие глазки капитана Уоллеса впились в осунувшееся лицо заключённого. Затем взгляд переместился на бумаги. «Хм! Непредумышленное убийство... семь лет», — произнёс глубокий, гулкий голос. За этим последовал быстрый град вопросов:

«В тюрьме впервые?» — «Да, сэр». — «Сколько лет?» — «Двадцать четыре, сэр». — «Служили в армии, флоте или морской пехоте?» — «Нет, сэр». — «Табак употребляете?» — «Да, сэр». — «Наркотики?» — «Нет, сэр».

Дознаватель резко оборвал допрос:

«Обыскать его!»

Металлический браслет сняли с запястья Кента, и пока он потирал красный след на коже, надзиратели перерыли его карманы, вываливая содержимое на стол. Капитан Уоллес вяло перебирал разношёрстную коллекцию — часы с цепочкой, записную книжку, письма, носовой платок, западноафриканский «счастливый» талисман — те личные мелочи, которые становятся такой сложной частью повседневной жизни каждого человека. Он сгрёб всё в одну кучу, кроме пачки сигарет. Её он подтолкнул к заключённому.

«Это можешь оставить себе», — сказал он великодушно. Кент потянулся, но замялся.

«Я бы... хотел...»

«Что?» — резко спросил капитан.

«Вон тот медальон», — сказал Кент.

«Ага, ясно. Давай-ка заглянем внутрь».

Кент попытался было удержать его, но капитан бросил на него властный взгляд. Он поддел крышку медальона, и оттуда выпал маленький овальный портрет.

«Хм! Недурна девчонка», — заметил он. Затем спросил: «Женат?» Кент помотал головой. При виде фотографии у него сжалось горло. Он не мог вымолвить ни слова.

«Ладно, забирай», — сказал Уоллес.

Кент схватил фотографию Энн Марлоу и провёл по ней пальцем, будто стирая осквернение чужих, недостойных рук.

Уоллес указал на остальные его вещи и ухмыльнулся.

«Это получишь, когда отсюда свалишь», — сказал он.

Кент вздрогнул. Уоллес безжалостно продолжил:

«А вместе с этим получишь обратно и своё имя. А пока что ты просто номер — нука, погляжу — номер четыре-четыре-три-три-три. Четыре плюс три — семь, вот и ты весь. Семь лет. И неплохая покерная комбинация в придачу». Он усмехнулся собственной мрачной шутке. Затем, с видом деспота, которому наскучило острить, отрезал:

«Гони его отсюда — по полной программе!»

«Полная программа» состояла из уставной тюремной стрижки, в которой главную роль играли машинки, купания, где, кажется, было больше дезинфекции, чем воды, и изматывающего сеанса у операторов дактилоскопии и бертильонажа. Затем его загнали в вещевую каптёрку, где человек, взглянув на него лишь раз, побросал ему одну за другой пару грубых штанов, комплект фланельного белья, блузу из той же материи, что и штаны, пару неуклюжих тюремных башмаков на гвоздях и фуражку с непомерно длинным козырьком.

«Пошевеливайся, — поторопил надзиратель. — Нам ещё тебя фотографировать. Фуражку сними».

Его «сфотографировали» анфас и в профиль одним снимком: он смотрел прямо в камеру, а его профиль отражался в зеркале сбоку. Охранник приколот ему на грудь номер — его номер! — так что в один кадр попало сразу всё: его лицо, его личность, его положение, его статус, его горе и его позор.

(Иллюстрация опущена. Подпись: «Тюремный двор на переднем плане, заключённые во время отдыха.»)

Затем его выдернули из кресла, и другой охранник повёл его по коридору, пока они не подошли к двери с табличкой: «Джеймс Адамс, начальник тюрьмы». Охранник тихо постучал и почти одновременно с этим открыл дверь, заглянув внутрь. Он ввёл Кента за собой. Кент увидел с первого взгляда современно обставленный кабинет — такой, какой мог бы быть одним из ста тысяч подобных в городе, который он покинул. Но кабинет с совершенно особым видом из окна. Потому что через огромное окно из зеркального стекла на другой стороне был виден обнесённый высокими стенами тюремный двор, теперь почти опустевший, — время после отбоя, — и лиловые тени сумерек резко играли под окном. Внизу бродило несколько расконвоированных.

Пока Кент и охранник стояли в дверях, начальник тюрьмы заканчивал разговор по одному из трёх телефонов на своём столе. Кент разглядывал его сурово вылепленный, но не лишённый доброты профиль. Глаза у него были стальные, серые. Волосы на висках уже начинали седеть. Рядом с ним, в пальто и шляпе, стояла женщина, похожая на заботливую мать семейства.

«Прости, Кейт, — сказал начальник тюрьмы, откидываясь назад и улыбаясь женщине, — раньше одиннадцати мне домой не выбраться. Скажи тёте Эмми, пусть останется на ночь. Ну, ступай».

Начальник тюрьмы встал, поцеловал жену и проводил её к противоположной двери — к двери, ведущей наружу! Когда женщина ушла и дверь закрылась, Кент ещё острее почувствовал собственную оторванность от мира. Начальник тюрьмы, всё ещё не глядя на охранника и заключённого, сел за стол. Охранник подошёл и положил перед начальством папку с бумагами.

Начальник Адамс окинул их привычным взглядом, затем поднял глаза с задумчивой улыбкой на лице.

«Не люблю видеть здесь таких молодых парней, как ты, за непредумышленное убийство», — начал он.

«Это была случайность, сэр», — хрипло ответил Кент, слегка приподняв опущенную голову. Ему не терпелось объясниться.

«Я помню твоё дело. Читал в газетах. Ты убил двух человек в автомобильной аварии...»

«Да, это была случайность...»

«Мой мальчик, возможно, тебя выбрали в качестве примера, но отвечать всё равно придётся тебе. Тебе предстоит провести здесь семь лет своей жизни».

«Но это было в канун Нового года — я был выпивши», — настаивал Кент.

«Твой срок могут сократить за хорошее поведение и неукоснительное соблюдение тюремных правил, — продолжал начальник тюрьмы. — Ты не преступник в обычном смысле этого слова. Тебя будут донимать и звать «чужаком». Тебя бросят к преступникам, к людям, с которыми на воле ты бы никогда не стал знаться. Я обязан предостеречь тебя от того влияния, с которым ты здесь столкнёшься». Он сделал паузу и добавил: «Впрочем, от влияния, с которым ты столкнулся бы в любой тюрьме».

«Да, сэр. Спасибо, сэр».

«И запомни ещё вот что — тюрьма не делает человека трусом. Но если он трус — она это из него вытащит. Вот и всё».

Начальник тюрьмы грустно улыбнулся и повернулся к охраннику.

«Камера для него подобрана?» — спросил он.

«Да, сэр. Номер 329, секция Б».

Начальник тюрьмы кивнул. Охранник поманил Кента следовать за ним. Когда дверь закрылась, Поп Райкер, расконвоированный, стоявший до этого в стороне, вышел вперёд и сказал начальнику тюрьмы:

«Вы хоть понимаете, к кому подселяете этого парня?»

«Нет... к кому?»

«К Моргану, самому скользкому проходимцу, с каким нам тут доводилось иметь дело... да ещё к Пулемётчику Бутчу».

«Да? Хм...»

Начальник тюрьмы поднялся и стал расхаживать по кабинету. Потом резко повернулся к расконвоированному и сказал:

«Поп, не будь мягкотелым. Тут ничего не поделаешь. На последнем совете при губернаторе я предупреждал их, что у нас три тысячи человек — а камер только на тысячу восемьсот. Они хотят упечь в тюрьму каждого проходимца в этом штате, но их не волнует, куда его девать потом. Что мы можем сделать? Но когда-нибудь мы расплатимся за их скупердяйство. Помани моё слово!»

Начальник тюрьмы подошёл к окну и посмотрел во двор тюрьмы. Он всё ещё стоял там, когда Кент, его худая фигура сгорбилась под тюком с одеялами и матрасом, пересекал двор в сопровождении охранника. Начальник тюрьмы покачал головой, вздохнул и повернулся обратно к столу. У него был сын в колледже — как раз возраста и телосложения этого мальчика.

ГЛАВА III

Пулемётчик Бутч Шмидт, бандит и убийца, разглагольствовал на свою любимую тему — убийства. Практическая сторона этого дела была для него теперь весьма ограничена, поскольку он отбывал «книгу» на киче, но поговорить о былых подвигах он любил. А вспомнить было что. Он убил немало народу. И за смерть ему дали жизнь.

«Радуйся жизни — вот мой девиз, — говорил Пулемётчик Бутч, сидя на краю своей койки в камере № 329, секция Б. — И когда идёшь кокнуть кого-нибудь, всегда держи голову на плечах — усёк? Меня бы вовек не взяли, кабы я не хлебнул тогда напоследок той бурды, что они джином называли. Да я тех троих из такси так чисто щёлкнул, что никому в жизни так не щёлкнуть. А, Морг?»

Он стукнул головой в верх своей койки, служивший дном для койки Дункана Моргана. Морган, лежавший лицом к стене, лишь фыркнул. Он тоже был занят напряжёнными мыслями. Обычно он с удовольствием слушал мрачноватый юмор Бутча. Но сегодня на него нашло странное настроение, и он думал о том, какой могла бы быть его жизнь — с подходящей женщиной.

В вопросах женщин у них с Бутчем общего языка не находилось. Для убийцы баба была бабой — и этим всё сказано. Иногда он с лукавой сентиментальностью вспоминал, что «Сэйди была неплохой подстилкой». И сокрушался о том, что «уморил её той отравой для муравьёв». И вздыхал.

Бутч был великаном — а сердце у него было твёрже мускулов. Чувство юмора у него обычно было такого злобного свойства, что легко перерастало в звериную ярость. Люди его боялись и в то же время любили. Он их запугивал и внушал им ненависть к тюремным охранникам. С самими же охранниками держался язвительно вежливо. При них он всегда казался улыбчивым, покорным и послушным, но стоило им скрыться из виду, как он призывал на их головы все дьявольские проклятия. Бутч как раз пустился в рассказ о том, как расправился с братьями Маллиган и как выкосил банду Де Лейси, когда чуткое ухо Моргана уловило шаги нескольких человек в коридоре. Шаги приближались и остановились у двери его камеры.

«Вот и твоя койка, малыш», — сказал Сэнди, охранник, отворяя дверь камеры. Кент, увидев размеры камеры и размеры Бутча, который, казалось, занимал её целиком, замешкался. Охранник втолкнул его внутрь, захлопнул дверь и запер её.

Кент вцепился в решётку камеры и взгляделся сквозь неё. Он было открыл рот, будто хотел вскрикнуть в знак протеста.

«Привет, малыш», — поздоровался Бутч, ухмыляясь. Затем стукнул головой в койку над собой. «Глянь-ка сюда, Морг, у нас гости в гостиной».

Кент обернулся и оглядел тесную камеру с тремя койками одна над другой, тремя крючками для одежды и единственным предметом обстановки — большой парашей. Он заглянул в злые глазки Бутча под их лохматыми навесами бровей, а затем — в спокойные, сочувствующие глаза Моргана, который перевернулся, чтобы взглянуть на новичка.

«Располагайся как дома, малыш, — сказал разговорчивый Бутч, взмахнув огромной лапой. — Вон твой пульман, наверху. Свежего воздуха вдоволь и отличный вид на парашу. Надолго к нам? За что сидишь?»

«За непредумышленное убийство. Это было...» — начал Кент, забрасывая одеяло и матрас на верхнюю койку.

«О, неплохо, дай пять», — оживился Бутч, протягивая руку.

«Это была случайность», — закончил Кент.

«Случайность!» — и Бутч ухмыльнулся понимающе. «Слышь, Морг, этот парень не такой уж и неженка, как кажется с виду».

«Моя машина врезалась в другую...»

«О-о!» — и тон Бутча стал презрительным. «Так вот как ты заработал статью за убийство, значит? Хм, а я-то думал, ты настоящий мужик; теперь вижу, молоко на губах не обсохло. Хех, чужак, Морг».

Бутч презрительно сплюнул. Ни один мускул не дрогнул на лице Моргана, продолжавшего разглядывать мальчишку. Кент снял пиджак, и Бутч вскочил и с шутовской любезностью выхватил его у него из рук. Морган улыбнулся. Бутч сделал вид, что отряхивает пиджак, сунул руку в карман и незаметно стащил пачку сигарет Кента. Затем повесил пиджак на крючок. Кражи Кент не заметил, а Морган — заметил.

«А тут вообще воздух есть?» — уныло спросил Кент.

«Есть — сколько угодно воздуха — только горячего», — сказал Морган, покосившись на Бутча, который ловко вытащил из пачки сигарету и закурил. Кент потянулся к висящему пиджаку и сунул руку в карман. Затем повернулся и обвиняюще посмотрел на Бутча.

«Ты забрал мои сигареты!» — сказал он.

Бутч вскочил и навис над юнцом. С хищной ухмылкой на лице он нарочно выдохнул дым Кенту прямо в лицо.

«Ах ты, врунишка мелкий, — да у тебя сроду никаких сигарет не было», — поддразнил он.

«Нет, были, — настаивал Кент. — И ты забрал их, когда вешал мой пиджак».

«Я?» — заорал Бутч, отмахиваясь от дыма угрожающим жестом. «Ты говоришь, я забрал твои сигареты! Может, я и убийца, но не вор, ты мелкая грязная крыса».

Кент посмотрел на Моргана в поисках поддержки, но встретил лишь ровный, непроницаемый взгляд, и повернулся к двери камеры, крикнув:

«Охрана! Охрана!»

Бутч стальной хваткой схватил его за плечо. Он пригрозил:

«Ты думаешь, ты в христианском клубе для молодёжи! Заткнись, мелкий стукач, — не то обмотаю твои ноги вокруг твоей же шеи и завяжу бантиком».

«Отдай мои сигареты», — слабо запротестовал Кент. Послышались приближающиеся шаги охранника. Бутч плюхнулся на свою койку. Кент, потирая плечо, подошёл к двери камеры.

«Что тут у вас стряслось?» — крикнул Сэнди.

«Он забрал мои сигареты», — захныкал Кент, указывая на Бутча.

«Всё он врёт», — благодушно откликнулся Бутч, снимая брюки.

«Забрал он их, Морган?» — спросил Сэнди.

«Не знаю, я спал, сэр», — отозвался Морган, зевнув и перевернувшись на другой бок.

«Так вот что, парень, — предупредил охранник, — ещё раз устроишь такой шум, и заночуешь в яме».

«Но...»

«Заткнись!»

Охранник ушёл. Кент повернулся к Бутчу, который поднялся с койки, на лице у него играла злобная ухмылка.

«Значит, будешь звать легавых, а? Ну что ж, получишь первый урок тюремной жизни. Никогда не ной, усёк?»

Бутч стремительным левым хуком врезал Кенту по челюсти. Парень обмяк и осел на пол камеры.

«Да я его только тронул», — сказал Бутч, наполовину извиняясь, пока Морган соскакивал со своей койки, плотно сжав губы.

«Уложи его на койку», — приказал Морган.

Бутч поднял мальчишку на своих гигантских руках, будто тот весил не больше кошки, и уложил на верхнюю койку. Морган, сощутив глаза, подождал, пока Бутч укроет его одеялом, а затем схватил Бутча за плечо.

«А теперь верни сигареты обратно в его пиджак», — сказал он тихим, не терпящим возражений тоном.

«Кто? Я? Да нет у меня курева этого малыша. Чего ты взъелся!»

«Не пытайся меня обдурить», — и голос Моргана ни на йоту не повысился.

Бутч заёрзал, пожал плечами, а затем виновато ухмыльнулся.

«Ну, я, конечно, не такой ловкач, как ты, Морг, — сказал он наконец. — Я и правда одолжил у него курева, но собирался вернуть, усёк?»

Он вытащил пачку из кармана. «Клади обратно», — приказал Морган. Бутч сунул сигареты обратно в пиджак Кента, и его любопытные пальцы наткнулись на фотографию, которую он тут же вытащил. Он посмотрел на неё и присвистнул.

«Гляди, какая красotka!» — воскликнул он.

«Дай сюда».

Морган взял фотографию в руки. Глаза Энн Марлоу смотрели на него честным, открытым взглядом.

Впервые в жизни Дункан Морган ощутил стыд! Её глаза, казалось, укоряли его за пороки его жизни и за никчёмность его существования. Это был такой понимающий, всё знающий взгляд. Морган почувствовал, как кровь прилила к лицу. Вот оно, то, чего ему так долго не хватало и чего, как он теперь понимал, он так сильно желал — прекрасной, хорошей женщины. Именно такую женщину, вообразил он, он видел во сне в тот вечер. Теперь он ни за что не расстался бы с этой фотографией и решил во что бы то ни стало узнать её имя. Она была слишком хороша для этого хнычущего слабака, которого судьба зачем-то подкинула в их тройку, где тот вёл себя как капризный младенец и не мог ни защитить себя, ни отомстить за себя.

Бутч уже успел завалиться на койку и накрыть голову грязным одеялом. Морган спрятал фотографию в нагрудный карман блузы. Забрался на свою койку и уставился прямо перед собой. В воздухе задрожали жуткие, тоскливые звуки отбоя. Охранники один за другим начали перекликаться: «Девять часов, всё в порядке!» — их голоса затихали в замогильных переливах. Свет погас.

На койке наверху мальчишка застонал. Бутч уже громко храпел. Морган, стиснутый мучительными мыслями, вдруг перевернулся на живот, зарылся лицом в казённую подушку и заплакал.

ГЛАВА IV

Три тысячи человек, которым не удалось «соскочить с крючка», — убийцы, аферисты, налётчики, громилы, беглецы, растратчики, наркоманы, взломщики — эта зловещая теневая сторона общества — были согнаны в Казённый дом. Их набивали в камеры, впихивали в мастерские, теснили в столовых. Их кормили тухлым мясом, бобами и тюремной баландой. Их угрюмость встречали бранью, их ропот — побоями, а их дерзость — карцером.

Часовые на башнях нервно расхаживали по тюремным парапетам, всегда готовые в любой миг спустить курок своих адских пулемётов, а охранники, которым не полагалось носить оружие, пускали в ход дубинки по малейшему поводу. Начальник тюрьмы открыто тревожился. Порой общее настроение заключённых, запертых, как звери в зверинце, выплёскивалось в вой безумной какофонии, которую охрана не могла унять. Здесь, в Казённом доме, тюремный кодекс был непреложным и всесильным. Его соблюдали ревностнее, чем так называемые порядочные люди соблюдают закон, по которому живут на воле. Это был кодекс взаимной защиты. Не стучи! Не доноси!

Это был кодекс преступного мира, где предательство каралось быстрой и жестокой смертью. В тюрьме заключённый был один против всего мира. И в тюрьме, как и в любой другой сфере жизни, находились предатели. Кент, получивший свой первый урок ещё в ночь прибытия и до сих пор чувствовавший тупую боль в челюсти там, куда пришёлся кулак Бутча, быстро усваивал этот символ веры на сотне мелких примеров. Он понял и другое: под спокойной поверхностью зрело глухое недовольство, предвещавшее насилие. С каждым днём заключённые становились всё смелее и наглее.

Морган, который всегда выделял Кента из толпы, когда они оказывались на тесном прогулочном дворе, старательными расспросами пытался выведать у него имя девушки с фотографии. Он так и не вернул снимок Кенту, а держал его постоянно у сердца. Кент разозлился, обнаружив пропажу фотографии на следующее утро после того, как Бутч заставил его замолчать, но сказать об этом вслух не решился. И Морган стал уважать его от этого ещё меньше — человек, который поднял скандал и чуть не заделался стукачом из-за кражи сигарет, но проглотил обиду, когда украли фотографию его девушки!

Морган предположил, что это, должно быть, его девушка. На сестру она не была похожа. А Кент говорил, что не женат. Но сколько бы Морган ни пытался, узнать что-либо о девушке ему не удавалось. Он то и дело поглядывал на маленькую фотографию, наполовину скрытую в ладони, и его так и подмывало прямо потребовать у Кента имя и адрес этой девушки. Он начал ревновать её к Кенту и втайне его ненавидеть. Через неделю после появления мальчишки в тюрьме Морган подошёл к нему на прогулочном дворе.

«Не принимай так близко к сердцу, малыш...» — начал он.

Кент вспылил.

«Не принимать близко к сердцу! Чёрт возьми! Для кого-нибудь вроде Бутча всё это, может, и в порядке вещей. Но для меня всё иначе. Я не создан для такого обращения и такой обстановки».

«Да брось, Бутч и остальные не такие уж плохие. Для Бутча прикончить человека — плёвое дело было. Но он свой парень — большинство убийц вообще-то нормальные ребята. Ничего скрытного или подлого в них нет».

«Не убеждай меня насчёт Бутча — да и вообще, он не моего поля ягода. И к тому же он изводит меня с утра до ночи».

«Да уж, наверное, если б ты прогуливался со своей девушкой на воле, ты бы и не подумал знаться со мной или с Бутчем, а?»

«Слушай, чёрт тебя дери, не приплетай сюда имя Энн!» — выкрикнул Кент.

«Энн — какая ещё Энн?» Морган воспрянул духом.

«Энн Марлоу — моя невеста — и не смей о ней говорить, слышишь, не смей говорить о ней в таком месте, как это. Я не потерплю...»

Кент разволновался. На глазах у него выступили слёзы. Тело сотрясало от переполнявших его чувств. Морган посочувствовал:

«Ну-ну, малыш, я, кажется, понимаю, что ты чувствуешь. Ты прав — Энн Марлоу не место в разговорах здесь. Только не Энн Марлоу».

Он произнёс это имя со смакованием, растягивая слова. Кент подозрительно покосился на него. Но Морган смотрел куда-то в сторону, шевеля губами. Энн Марлоу! Так вот как её зовут. Энн Марлоу! Как просто и красиво. Точь-в-точь как на фотографии. Морган отошёл, будто оглушённый, забыв про Кента. Он шёл сквозь толпу заключённых, никого не замечая. Прошёл мимо мексиканца, бормотавшего «отче наш» по-испански; мимо двух представительных мужчин, которые на воле вполне сошли бы за банкиров; мимо худого, чахоточного, кашляющего юнца; мимо двух седых старожил, беззлобно переругивавшихся между собой; мимо двух китайцев, тараторивших на своём односложном наречии. Он шёл, пока не наткнулся на Бутча, стоявшего в окружении своей обычной свиты почитателей — Ольсена, шведа; Джо Лаенски, бывшего налётчика, а теперь расконвоированного садовника при тюремном огороде; Дурмана, который до сих пор ухитрялся доставать героин и вгонял жгучий наркотик в вены через царапину, сделанную ржавой булавкой; и Патмена, убившего человека за то, что тот носил гетры.

«Когда-нибудь я вырежу сердце из этой падали Уоллеса и отправлю его губернатору в консервной банке», — говорил Бутч. Увидев Моргана, он добавил: «Слышь, Морг, у нас всё уже почти готово для большого дела...»

Морган кивнул, но промолчал. Бутч хлопнул его по спине.

«Слышь, да что с тобой такое! Ходишь, будто дурманом обкурился. Давай, приди в себя».

«Ага?»

«Ага — у нас всё схвачено».

Бутч и остальные сблизил головы и принялись шептаться. Тем временем Кент, привалившись к стене, наблюдал за ними издалека.

Фрэнк Оливер, угодливый, подхалимствующий расконвоированный, отбывавший десятку за кражу, остановился перед Кентом.

«Привет, малявка. Что за кислая физиономия? Опять Бутч?»

Кент вяло поднял глаза.

«Он меня когда-нибудь убьёт. Изводит постоянно. В строю наступает мне на пятки, толкает сзади, пинает, а стоит мне обернуться, как он лыбится или издаёт какой-нибудь мерзкий звук ртом. У него нож — он меня зарежет. Он злится на пустом месте».

«Ого, у него, значит, нож?» — и Оливер присвистнул.

«Ага — острый, как бритва».

«Откуда он у него?»

«Ну, не знаю — уже месяцами гуляет по рукам, из камеры в камеру. Первого хозяина, кажется, в карцер упекли».

«Ну а чего ж ты не поквитаться с Бутчем — не настучишь на него».

«Боже упаси, нет!»

«Соображай — учись, как тут дела делаются. Тебе за это срок скостят. Вот на меня посмотри. Я себе шесть лет с бита сбросил, время от времени подкидывая мелочи охране. А в твоём случае это ещё и безопаснее для тебя выйдет».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.